необходимо новые литературные явления этой новой Руси связывать с европейским влиянием?

Рассматривая литературную деятельность Аввакума, Стендер-Петерсен останавливается только на его «Житии», не касаясь более семидесяти остальных его произведений. Тем самым в стороне осталась вся полемическая и агитационная деятельность Аввакума, чьи произведения проникали из Пустозерской тюрьмы в самые широкие слои народа.[11] В этом плане язык Аввакума, связанный с разговорной речью, «мирской», «народный», такой же, как «язык народных песен», «диалектологический» и «варварски вульгарный», как характеризует его Стендер-Петерсен, является не противоречащим идеям его произведений, далеко выходившим за пределы догматического спора, а вполне соответствующим общему характеру творчества Аввакума и агитационным задачам, стоявшим перед ним.

Мы упоминали уже о том, что А. Стендер-Петерсен отказывается от рассмотрения влияния фольклора на письменную литературу из-за неизученности вопроса. Однако для XVII в. тема эта оказалась настолько важной, что, несмотря на оговорку, вопрос о фольклоре был Стендер-Петерсеном все-таки поставлен. Если в XVI в. письменная литература, носившая церковный характер, относилась, по мнению автора, к фольклору враждебно, как к языческому и баснословному, т. е. еретическому, то в XVII в. границы между письменной литературой и устным народным творчеством ломаются и письменная литература все чаще прибегает к темам, родившимся в фольклоре. «Народные песни — общая собственность, не только собственно народа, но, и особенно, знатного московского боярства и аристократии» (229—230). Такова постановка вопроса. Конкретно же Стендер-Петерсен называет только два произведения XVII в., испытавшие на себе влияние фольклора. Это «Писание о преставлении князя Михаила Скопина» и «Повесть об Азовском сидении донских казаков».

Следует сразу же указать на неточность автора, не упомянувшего о существовании цикла повестей об Азовском осадном сидении, состоящего из пяти произведений, связанных друг с другом своей литературной историей. Выбрав из всех повестей для рассмотрения только одну («Поэтическую»), Стендер-Петерсен не объяснил, почему он в данном случае не обращается к «Исторической» и «Сказочной» повестям.[12]

Остается неясным, почему Стендер-Петерсен исключает из сферы влияния фольклора другие произведения XVII в., и в частности всю демократическую сатиру этого времени, тем более что влияние это рассмотрено в работе В. П. Адриановой-Перетц, указанной Стендер-Петерсеном в списке использованной литературы.[13]

Считая сюжет «Повести о шемякином суде» заимствованным из иностранных источников, «Повесть о Ерше Ершовиче» — новеллой в стиле западноевропейского романа о лисице (Roman de Renard), а «Повесть о Карпе Сутулове» — повторяющей один из восточных мотивов из «Тысячи и одной ночи», Стендер-Петерсен не отмечает другую высказанную в советской научной литературе точку зрения, связывающую это направление в русской литературе с бытом и житейской практикой демократической

---

[11] В. Л. Комарович и Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 305.

[12] История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 257—270; Воинские повести древней Руси. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 175—243.

[13] В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 258—259.